

1. А. П. АЛЕКСЕЕВСКИЙ

Публикация и комментарии Л. Н. Афонина

... Подвальные фельетоны Джемса Линча и «Впечатления» Л. — ева¹ очень нравились читателю, редакция строила на них успех газеты, но сам автор был далек от восхищения своей работой, мирился с нею только по нужде, как с источником заработка и со свойственной ему иронией нередко говорил:

— Из всех талантов, которыми меня наградила Новик², скоро у меня останется один — либо молчать, либо мычать и еще аванс.

Но молчать он не хотел, не любил и мычать. И, попробовав посылать зачеркнутые цензурой фельетоны в «Журнал для всех», в конце концов, по миновании надобности в авансах, отошел от фельетона. Рекомендовал бросить фельетонное писание и М. Горький, к советам которого Леонид Николаевич чутко прислушивался не только как к голосу читателя, но и писателя, на собственной спине познавшего тернии газетной публицистики³ <...>

Несомненно, что те же советы были повторены и лично Горьким в Нижнем-Новгороде, куда по приглашению последнего ездил Л. Н. Андреев вскоре после первых своих успехов.

Я никак не мог установить даты этой поездки⁴, но мне она памятна почти до мелочей, так как я сопровождал в ней Леонида Николаевича.

У меня для поездки к Горькому были свои основания: при поощрительном участии Андреева я задумал издать литературно-публицистический альманах и хотел пригласить к участию в нем всех тогдашних корифеев литературы и в первую голову, разумеется, М. Горького⁵.

Помню, что мы ехали в купе второго класса, и вместе с нами оказался в том же купе И. А. Бунин, который ехал тоже в Нижний-Новгород и дальше по Волге.

И Андреев и Бунин оба были уроженцы Орловской губернии, земляки Тургенева, Лескова, Фета, Тютчева, Д. И. Писарева и др., и оба, по игре случая, начали свою литературную деятельность в «Орловском вестнике» и одновременно даже печатались в нем: в тех же 1895—1896 гг., когда были помещены андреевский «Чудак», «Загадка», «Он, она и водка»⁶, печатались переводы Бунина лонгфелловского «Гайаваты»⁷ и небольшие оригинальные этюды под заглавием «Маленькие сказки», подписанные «И. Бунин». Кажется, в те годы И. А. Бунин состоял секретарем редакции «Орловского вестника», то есть, иначе говоря, фактическим редактором, по понятиям того времени, когда официальными редакторами утверждались люди исключительно по их политической благонадежности, нередко очень далекие от интересов литературы. Таким образом, И. А. Бунин был духовным восприемником музыки Л. Н. Андреева и первопечатником его произведений⁸. Восприемник был строгий и ворчливый, по словам доктора Севастьянова, в то время студента, жившего в Орле и носившего рукописи Леонида Николаевича в редакцию «Орловского вестника»; там ему сказали после первого напечатанного рассказа, чтобы больше

не присылал, печатать не будут, но впоследствии все-таки напечатали еще два рассказа, быть может, благодаря перемене в составе редакции «Орловского вестника»⁹.

С тех пор до поездки в Нижний прошло пять лет, оба орловца пошли в гору. Будущий почетный академик, пушкинский лауреат¹⁰, Бунин уже прославился как первоклассный поэт. Он значительно опередил Андреева известностью и лет на пять раньше его начал печатать свои рассказы в толстых журналах (если не изменяет память, с 1894 г.)¹¹. Будучи сверстником Андреева по годам, Бунин вправе был считать себя старшим в отношении литературы. Претендент на мифическое «железное кольцо» Тургенева¹², всегда высокомерный и ревнивый к славе своих товарищей, — к молодому Андрееву, уже получившему патент от Н. К. Михайловского¹³, он отнесился сухо-покровительственно, лишь снисходительно допуская его «богоборческие» настроения.

Узнавши о цели нашей поездки в Нижний — к Горькому, — Бунин с обычной своей подчеркивающей-ехидной полуулыбкой процедил:

— На поклон, значит...

Меня очень больно резанула эта фраза, относившаяся всецело к Андрееву, но совершенно пассивно принял ее сам Леонид Николаевич. Он откурнул папиросу и, искоса улыбаясь и как бы оправдываясь, заметил:

— Знаю, что опоздал, другие уже съездили...

К кому относился этот намек, я не знаю. Бунин в то время печатался в «Скорпионах», в товариществе «Знание», то есть «на поклон к Горькому» он поехал, вероятно, позднее¹⁴. Но вообще говоря — едва ли тактично было затевать речь о «поклонах», и меня эта пикировка двух молодых писателей покорила¹⁵.

В Нижнем мы с Леонидом Николаевичем остановились в плохеньких номерах и затем отправились к Горькому.

Помнится, что Горький жил в то время в районе Звездинки, недалеко от острога, во втором этаже деревянного дома. Так как мы предварительно уведомили о своем прибытии, то встретил нас сам Горький. Горького я помнил еще с Казани, когда мы встречались с ним в кружке у Деренковых. Он состоял тогда при булочной Деренкова продавцом и разносчиком булок; раза два он и мне приносил горячие булки на мой чердак. Но в кружке при булочной Алексей, как у нас звали Горького, уже был известен как писатель из народа. Его высокая фигура, скуластое широкое лицо довольно четко оставались в памяти. В своих напечатанных воспоминаниях об этой эпохе своей жизни Горький, перечисляя разных лиц, не упоминает меня, следовательно, не помнил меня как по моей незначительности в кружке, так и по краткости встреч¹⁶. Таким образом, в Нижнем мы встречались с ним как бы вновь, как незнакомые, и я не решился напомнить о прошлом. Принял он нас необычайно ласково, тотчас же познакомил нас со своей женой Екатериной Павловной, сиявшей гордостью счастливой женщины; загудел самовар, появились какие-то гимназисты, вскоре был подан обед, и завязался не особенно шумный, несколько натянутый разговор. Вся обстановка жизни Горького оставляла впечатление задушевности и благодушия, тесно сплетенных с некоторой настороженностью при каждом звонке: словно ждали незваных гостей; мягкий букет мешанского провинциального уютя не ослаблял, а усиливал это впечатление.

Леониду Николаевичу однако не понравилась эта обстановка: не нравилась мебель, в особенности кушетка в гостиной с цветочками, на которой нельзя было «ни лечь, ни сесть», не нравились гимназисты, словно вызванные для демонстрации величия хозяина, не нравилась даже Екатерина Павловна, слишком сияющая, не нравилась, наконец, и подчеркнутая строгость нравов — к столу, например, не было подано водки, болталась из рук в руки бутылка какого-то вина, а к винам Леонид Николаевич отно-

сился презрительно, считая их «выдумкой бездельников, которым некуда девать время».

Он не представлял, конечно, босяцкого поэта золоторотцем или Диогеном, живущим в бочке, но мешанская оправа с привкусом пуританизма Андрееву казалась несоответственной общественной и писательской физиономии Горького. Я думаю, что во всем недовольстве этом отразилась больше всего невзрачность собственной жизни Леонида Николаевича ¹⁷;

АНДРЕЕВ и И. А. БУНИН

Фотография В. Чеховского, Москва, 1902 г.

Музей Горького, Москва

несомненно, что впоследствии он изменил свои взгляды и на мебель, и на уют, и на гимназистов, и прежде всего на сиявшую счастьем хозяйку дома.

Несомненно, с другой стороны, что и Горький проявлял свой пуританизм вполне сознательно и только применительно к данному случаю, зная несчастную страсть своего начинающего собрата по перу к выпивке.

Как бы то ни было, мы должны были закончить наш обед надлежащим образом. Условившись с Горьким относительно следующего дня — в этот вечер Леониду Николаевичу не удалось дружески, глаз на глаз, побеседовать с Горьким, — мы отправились в наши номера и здесь дали волю неудовлетворенному Бахусу <...>

Не знаю, был ли на другой день Андреев у Горького, но рассказывали, что он в ту же ночь пытался проникнуть к нему и кричал что-то несуразное. Затем все куда-то провалилось, исчез и мой спутник, и я решил возвратиться в Москву один...

Отрывок из воспоминаний А. П. Алексеевского. Машинопись с авторской правкой. Государственный музей И. С. Тургенева в Орле (ф. Л. Н. Андреева).

Аркадий Павлович *Алексеевский* (1871—1944) — журналист, сотрудник «Волжского вестника», «Курьера», «Утра России». Сын священника, отказавшийся от духовной карьеры, он еще в 1885—1886 гг. в Казани посетил собрания революционно настроенной молодежи, проходившие на квартире А. С. Деренкова, где бывал и молодой Горький. Работая с 1899 г. в редакции газеты «Курьер», он познакомился там с Андреевым и близко с ним сошелся. Вместе они сотрудничали в «Курьере» до 1904 г. С 1901 г. Алексеевский — муж сестры Андреева, Риммы Николаевны. Андреев посвятил Алексеевскому рассказ «Город» («Курьер», 1902, № 109, 21 апреля). Позже Алексеевский был фактическим редактором газеты «Утро России». В 1920-е годы Алексеевский — государственный контролер в системе Рабкрин, затем — заместитель председателя Госплана Татарской АССР. В ИРЛИ хранятся десять писем Андреева к Алексеевскому 1910—1916 гг.

Воспоминания Алексеевского посвящены годам его наибольшей близости с Андреевым (1900—1904). Не следует забывать, что Алексеевский писал воспоминания «по памяти» в конце 1930-х — начале 1940-х годов, много лет спустя после событий, участником и свидетелем которых он был. Свою работу он не завершил. «Естественно, — писал Алексеевский, — что многое важное исчезло из памяти, запечатлелся лишь общий фон работы да единичные, наиболее острые эпизоды иногда чисто анекдотического свойства. Обычно такими именно анекдотами и грешат воспоминания о крупных деятелях искусства, в том числе и о Л. Н. Андрееве, чего я старательно буду избегать, останавливаясь лишь на наиболее характерных моментах, так или иначе уясняющих загадочную, на мой взгляд, личность Леонида Андреева». Однако Алексеевскому не удалось последовательно выполнить свое стремление. Некоторые страницы его воспоминаний запечатлели именно «общий фон» и «единичные, наиболее острые эпизоды иногда чисто анекдотического свойства». Таков отчасти и впервые публикуемый отрывок из «Воспоминаний» Алексеевского о его поездке вместе с Андреевым осенью 1901 г. к Горькому в Нижний-Новгород. Трудно, например, согласиться с автором воспоминаний, представляющим эту поездку безрезультатной. Правильнее предположить, что у Андреева с Горьким в Нижнем-Новгороде все же состоялись беседы «с глазу на глаз» и что молодой писатель познакомил Горького со своими новыми рассказами. Об этом свидетельствует письмо Горького к Пятницкому (между 13 и 17 октября 1901 г., см. прим. 4).

¹ В газете «Курьер» Андреев подписывал свои фельетоны из цикла «Москва. Мелочи жизни» — «James Lynch» — «Джемс Линч»; а из цикла «Впечатления» — «Л. — ев».

² Исаак Давидович *Новик* (1861—1924) — секретарь редакции «Курьера». Алексеевский пишет в своих воспоминаниях: «Можно без преувеличения сказать, что Новик был ломовой лошадей газеты, самоотверженно вывозя на себе всю черновую работу <...>». И. Д. Новик очень гордился тем, что именно он первый учуял талант Андреева, предложив ему написать рассказ «Баргамот и Гараська». — Л. А.). Андреев комически поддерживал эту иллюзию». Вместе с Андреевым работал в «Русской воле». После Октябрьской революции — эмигрировал. Новик — автор статьи к 10-летию литературной деятельности Леонида Андреева («Биржевые ведомости», утр. вып., 1908, № 10453, 16 апреля). Вместе с его воспоминаниями «Л. Н. Андреев. Первые шаги его литературной деятельности» («Вестник литературы», 1919, № 12) опубликовано одно письмо Андреева к Новичу от 29 января 1901 г. (год указан ошибочно: 1899).

³ Далее приводится цитата из письма Горького от 2... 4 апреля 1900 г. (Переписка, № 4).

⁴ Поездка Андреева и Алексеевского к Горькому в Нижний-Новгород состоялась в октябре 1901 г. Горький писал Пятницкому между 13 и 17 октября 1901 г.: «...был Бунин Иван, был Андреев Леонид, Алексеевский Аркадий, и я два дня не видел себя» (XCVIII, 186).

⁵ О задуманном Алексеевским альманахе — см. Переписка, № 13.

⁶ Об участии Андреева в «Орловском вестнике» — см. Переписка, № 3, прим. 4.

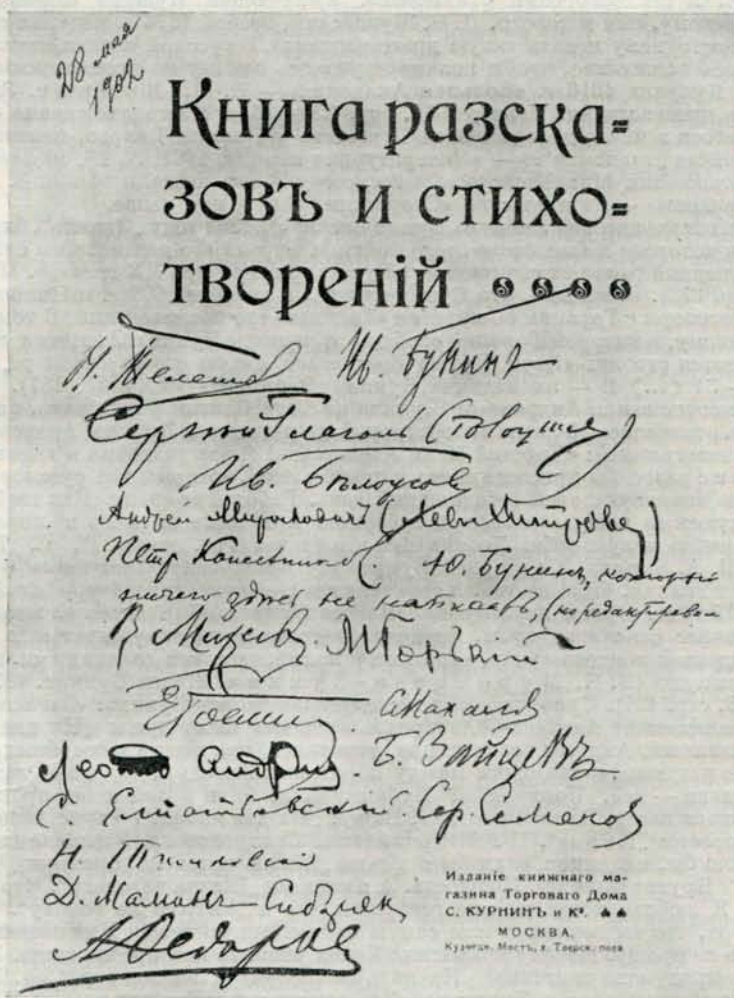
⁷ «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе Бунина впервые была напечатана в «Орловском вестнике», 1896, № 114—252, 2 мая — 24 сентября; в конце 1896 г. вышла в Орле отдельным изданием.

⁸ Бунин работал в редакции «Орловского вестника» с сентября 1889 до июля 1892 г. и поэту не мог, конечно, быть «восприимчивым музы» Андреева, печатавшегося там в 1895—1896 гг.

⁹ Иван Николаевич *Севастьянов* (1871—1941) — орловский врач, товарищ Андреева по гимназии. Жил вместе с ним в студенческие годы и неоднократно встре-

чался позже. Автор воспоминаний об Андрееве, написанных в 1921 г. и опубликованных в книге Н. Н. Фатова «Молодые годы Леонида Андреева» (М., 1924, стр. 220—233).

Севастьянов вспоминает: «Первым печатным произведением Андреева был фельетон под заглавием — „Он, она и водка“; напечатан в „Орловском вестнике“ (...) Рассказ слабый, лишь недурен язык. Редактор Сентянин, хотя и напечатал, но, когда я зашел спрашивать, стоит ли Андрееву присылать еще, сказал, что нет, не стоит, так как

«КНИГА РАССКАЗОВ И СТИХОТВОРЕНИЙ» (М., 1902). ЭКЗЕМПЛЯР САВТОГРАФИЧЕСКИМИ ПОДПИСЯМИ ГОРЬКОГО, АНДРЕЕВА И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ СБОРНИКА

Сборник подготовлен кружком «Среда»; вырученные от продажи его деньги были переданы в 1905 г. забастовочному комитету работников почты и телеграфа
Титульный лист. В верхнем углу помета неустановленного лица: «28 мая 1902»

Архив Горького, Москва

рассказ слаб» (стр. 231). «Неизвестно, — пишет Фатов, — сообщил ли об этом И. Н. Севастьянов автору, но последний, во всяком случае, совета — не присылать — не послушался, и не даром: „Орловский вестник“ переложил гнев на милость и напечатал в течение 1895 г. еще две вещи Л. Андреева» (там же, стр. 97—98). С 9 сентября по 25 ноября 1895 г., когда «Орловский вестник» помещал первые опыты Андреева, в составе редакции никаких перемен не произошло. Фактически газету редактировал В. Е. Сентянин, формально редактором-издательницей «Орловского вестника» была его жена Н. А. Сентянина (рожд. Семенова).

¹⁰ Бунину была присуждена в 1903 г. пушкинская премия за книгу стихотворений «Листопад» и перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате»; почетным академиком он избран в 1909 г.

¹¹ Первое прозаическое произведение Бунина, появившееся в «толстом» журнале — рассказ «Деревенский эскиз» («Русское богатство», 1893, № 4; под названием «Танька» вошел в первую книгу рассказов Бунина «На край света». СПб., 1897).

¹² «Железное кольцо» — перстень, подаренный Е. К. Воронцовой Пушкину и воспетый им в стихотворении «Талисман». Умиравший Пушкин завещал кольцо В. А. Жуковскому, сын которого, П. В. Жуковский, весной 1876 г. подарил его Тургеневу, как «достойному носить такую драгоценность». В русской печати начала XX в. высказывалось пожелание, чтобы кольцо вручалось одному из преемников Пушкина (см. статью Куприна 1916 г. «Вольная Академия». — А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения. Пенза, 1950, стр. 250—253). Местонахождение «талисмана», оставшегося в числе других вещей Тургенева у Полины Виардо, неизвестно (см. А. Г. «Где сейчас „талисман“?» — «Литературная газета», 1962, № 18, 10 февраля).

¹³ Об отношении Михайловского к Андрееву — см. выше.

¹⁴ «Скорпионы» — издательство «Скорпион». См. о нем выше.

В «Автобиографической заметке» Бунин писал: «В 1902 году „Знание“, ближайшим сотрудником которого я был после этого почти все время его деятельного существования, издало первый том моих сочинений» («Русская литература XX века», т. II, кн. VII. М., 1915, стр. 339). Возможно, что Бунин как раз в октябре 1901 г. в Нижнем-Новгороде вел переговоры с Горьким об издании «Знанием» его произведений. В том же письме к Пятицкому, в котором Горький сообщал о приезде Бунина, Андреева и Алексеевского, имеются строки: «Иван Бунин предлагает издать его рассказы у „Знания“. Рассказы — 31 <...> Я — за издание Бунина „Знанием“» (XXVIII, 187).

¹⁵ Взаимоотношения Андреева и Бунина не были близкими. Однако, когда в октябре 1912 г. отмечалось 25-летие литературной деятельности Бунина, Андреев приветствовал его телеграммой: «Дорогой Иван Алексеевич! Я всегда любил и высоко ценил твой талант и с радостью присоединяюсь к приветствию, которым все русское общество и литература ознаменуют твой сегодняшний день. Работай во славу. Как твой земляк-орловец радуюсь за нашу Орловскую губернию и от лица ее лесов и полей, тобою любимых, крепко целую тебя. Леонид Андреев» (Гос. музей И. С. Тургенева в Орле, ф. И. А. Бунина). Со стороны Бунина «сухо-покровительственное» отношение к Андрееву, пожалуй, было всегда. Характеризуя русскую литературу накануне революции 1905 года, Бунин явно иронически вспоминал об Андрееве, который «все крепче и мрачнее стискивал зубы, бледнел от своих головокружительных успехов; щеголял поддевкой тонкого сукна, сапогами с лакированными голенищами, шелковой рубахой на выпуск» (В. Н. Муромцев и Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 121). Примечательна и следующая запись Бунина: «Заглавие пьесы „На дне“ принадлежит Андрееву. Авторское заглавие было хуже: „На дне жизни“. Однажды, выпивши, Андреев говорил мне, усмехаясь, как всегда в подобных случаях, гордо, весело и мрачно, ставя точки между короткими фразами, твердо и настойчиво:

— Заглавие — всё. Понимаешь? Публику надо бить в лоб и без промаха. Вот написал человек пьесу. Показывает мне. Вижу: „На дне жизни“. Глупо, говорю. Плохо. Пиши просто: „На дне“. И всё. Понимаешь? Спас человека. Заглавие штука тонкая. Что было бы, например, если бы вместо „Жизнь человека“ брякнул „Человеческая жизнь“? Ерунда была бы. Пошлость. А я написал „Жизнь человека“. Что, не правду говорю? Я люблю, когда ты мне говоришь, что я „хитрый на голову“. Конечно, хитрый. А вот, что ты похвалил мою самую элементарную вещь „Дни нашей жизни“, никогда тебе не прощу. Почему похвалил? Хотел унизить мои прочие вещи. Но и тут: плохо разве придумано заглавие? На пять с плюсом» (там же, стр. 139). В 1914 г. Андреев совсем разошелся с Буниным. «Да, ты знаешь, Леонид послал И. Бунину несколько строк, что не желает с ним быть знакомым?» — писала жена Андреева А. Н. Андрееву 9 декабря 1914 г. (Гос. музей И. С. Тургенева в Орле). В ЦГАЛИ хранится двадцать семь писем Андреева к Бунину.

¹⁶ Здесь в словах Алексеевского об известности Горького явное преувеличение: Горький начал печататься в 1892 г.; конечно, в кружке Деренкова в 1887 г. могли знать о его первых литературных опытах, но не в такой мере, как пишет Алексеевский. Под воспоминаниями Горького автор подразумевает «Мои университеты».

¹⁷ Со слов близких Андреева, Алексеевский рассказывает, что материальная нужда начинавшего писателя, несмотря на печатавшиеся рассказы и судебные отчеты в двух газетах, — была подавляющей, близкой к нищете <...> Пришлось ему жить и в подвалах и на чердаках, без всякой мебели, без постельных принадлежностей, носить рваные ботинки и ходить в чужом пальто с отказом от элементарных требований гигиены и при условиях постоянной морально угнетающей мысли, что в той же обстановке тянут с ним жизненную лямку нежно любимая мать, три брата и две сестры. Вечный голод, вечная сырость, вечный голод, постоянная забота о куске хлеба для семи человек — безнадежная борьба за минимум жизни — вот те прозаические хариты, которые баюкали и ласкали вырастающий талант в жестокой, далеко не романтической колыбели нищеты и страха за каждый новый день» («Воспоминания», стр. 16).